

II. ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ: РЕКОНСТРУКЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

УДК 902/904

Ю.Е. Антонова, Д.А. Мягашев

ШАМХАГ-БАЙСАН КАК КУЛЬТОВЫЙ ОБЪЕКТ ДРЕВНОСТИ В ДОЛИНЕ р. ОКА (ЗАПАД БУРЯТИИ)*

Представлены материалы по новому археологическому местонахождению, названному Шамхаг-Байсан и расположенному в Восточных Саянах (Бурятия). Здесь были обнаружены петроглиф и каменная выкладка в виде стрелы у подножия скалы с рисунком. Стрела обращена острием в сторону рисунка. Исходя из техники исполнения и аналогий с некоторыми петроглифами Западного Забайкалья, местонахождение Шамхаг-Байсан может относиться к широкому хронологическому диапазону: бронзовый век – Средневековье. Авторами предполагается ритуально-культовый характер комплекса. Ключевые слова: петроглифы, бронзовый век, Средневековье, сакральные объекты.

Святынища, культовые места, ритуальные объекты, позволяющие хотя бы частично реконструировать мировоззренческую картину и увидеть духовный мир различных народов, всегда оставались в центре внимания исследователей. Интерес к подобным памятникам Сибири, в частности Забайкалья, появляется еще в конце XVII в. вместе с приходом первых путешественников, зафиксировавших многочисленные обряды и ритуальные действия, связанные с религиозными представлениями коренного населения. В центре внимания оказываются также и археологические памятники, в первую очередь – древние могильники и петроглифы. В середине XVIII в. Г.Ф. Миллер указывает на связь писаниц (петроглифы на скалах) с языческими верованиями коренных народов на основании сходства фигур на писаницах и бубнах. При этом точка зрения путешественника довольно негативна и отрицает возможность глубокой семантической нагрузки наскальных рисунков: «В бубнах нет ничего волшебного, а они употребляются только для волшебных жестикуляций, и фигуры на них сочинены для обманывания простого народа и притом не по соображениям искусства и не по тщательном обсуждении, почему лучше было нарисовать такую, а не иную фигуру, но совершенно случайно, как что пришло в голову. Я убежден ... то же самое должно сказать о писаных камнях». В то же время исследователь замечает, что священнодействие могло происходить не только рядом с писаными скалами, но и в местах без изображений, интерпретируя данный факт «глубокими корнями суеверий» [1. С. 539].

Древние курганы также привлекали внимание Г.Ф. Миллера. По его указанию изучались плиточные могилы в долине р. Шилки, непосредственно под его руководством были раскопаны плиточные могилы в долине р. Уды [1. С. 519]. Спустя почти век раскопками древних курганов в Агинской и Хоринской степях занимался М.А. Кастрен [2], а затем Д.П. Давыдов [3]. Именно Д.П. Давыдов начинает рассматривать плиточные могильники, особенно те, в состав которых входили оленные или сторожевые камни как некие ритуальные комплексы. Зафиксированные им у писаницы Хотогой-Хабсагай наконечники расцениваются А.В. Тиваненко как «первый фактический материал, свидетельствующий о наличии жертвенных приношений у подножия писаных скал» [3. С. 11].

Стоит отметить, что изучение святынищ Забайкалья как отдельного типа памятников не предпринималось вплоть до 70-х гг. XX в. Вместе с тем с началом систематических исследований петроглифов Забайкалья их происхождение в большей степени связывалось с ритуально-культовой практикой древнего человека [4. Т. 2]. Данная позиция была воспринята А.В. Тиваненко [3], который с середины 80-х гг. XX в. активно начинает исследования культовых мест Восточной Сибири. С его точки зрения, практически все петроглифы Забайкалья следует отнести к святынищам. Под святынищем исследователь понимает «комплекс почитаемых объектов с едиными территориальными границами, на которых совершались ритуальные действия в честь духов местности (у петроглифов), умерших предков (на мо-

* Работа выполнена при поддержке РФГФ, проект № 12-01-00274.

гильнике), покровителей семейно-родовой общины (в жилище и на поселении)» [3. С. 5]. По его мнению, в состав святилища должны входить иконографический объект, жертвенник и жертвоприношение.

С нашей точки зрения, петроглифы, несомненно, являются отражением духовной культуры древнего человека, однако преждевременным кажется отнесение абсолютно всех зафиксированных местонахождений с наскальными рисунками к святилищам без их детального исследования, как это предлагает А.В. Тиваненко. Тот факт, что у подножия скал с петроглифами исследователем в ряде случаев был зафиксирован подъемный и стратифицированный материал, не является достаточным основанием для обобщенного рассмотрения писаниц как святилищ. Тем более что нередко древнее население использовало удобные площадки у скальных стенок для организации стоянок, поэтому необходим анализ найденного под писаными скалами инвентаря на предмет его votивного характера.

В последнее время не проводилось детальных исследований древних культовых мест на территории Бурятии, Западного Забайкалья. Можно отметить лишь отдельные сообщения о выявленных археологических объектах, интерпретируемых как святилища (см., напр.: [5, 6, 7]). В целом, количество новых археологических объектов на территории Бурятии, которые бесспорно могут быть отнесены к культовым, невелико. Однако среди них имеются местонахождения, которые могут быть охарактеризованы как пространственно сложноорганизованные комплексы, свидетельствующие о высоком развитии духовной культуры древнего человека на этой территории [7]. Подобные объекты указывают на перспективность поисков в указанном направлении.

Целью предлагаемой статьи является представление и анализ материалов по новому археологическому местонахождению Бурятии, которое может быть отнесено к объектам культовой деятельности – Шамхаг Байсан, которое исследовалось Д.А. Миягашевым в ходе полевых работ 2012 г. Местонахождение расположено на левом берегу р. Ока (Восточные Саяны, запад Бурятии), в 1 км севернее с. Саяны, слева от дороги, ведущей в село Хужир, на юго-восточной оконечности скалы Шамхаг-Байсан. Комплекс представляет собой наскальный рисунок и каменную кладку, сооруженную у подножия скалы с петроглифом. Каменная кладка выложена в виде стрелы, причем так, что ее наконечник упирается в скалу практически под местом нанесения наскального рисунка.

Кладка ориентирована с юго-востока на северо-запад, сложена из средних и крупных камней, плотно посаженных в землю. Длина черенка «стрелы» 7 м, ширина – 1,7 м, длина наконечника 2,1 м, ширина – 2,4 м, западная часть наконечника разрушена. Кладка выложена очень ровно и имеет четкие углы, отчетливо просматривается на поверхности.

На плоскости скалы, на высоте 4–5 м от каменной кладки, немного правее направления каменной «стрелы», охрой нанесено контурное изображение животного – лося или быка. Рисунок выполнен на ровной поверхности камня, однако имеет плохую сохранность. На поверхности скалы фиксируются солевые потеки, перекрывающие изображение передней части животного, к тому же в данном месте скалу пересекает вертикальная трещина, которая проходит по центральной части рисунка. По сохранившимся элементам видно, что туловище неширокое, верхняя часть спины, как и головы, читается плохо, но по общему направлению линии похоже, что был изображен небольшой горб. Линия головы полностью скрыта соевым слоем, однако короткие еле различимые черты в этом месте можно расценивать как изображение ушей или рогов. Далее, по направлению к задней части изображения, четко читается округлый контур крупа. Соответственно общему строго профильному характеру изображения показаны только две ноги, задняя и передняя, линия последней едва проглядывает сквозь слой солевых натечков. Задняя нога видна четко, она непропорционально короткая и тонкая, заведена (подогнута) вовнутрь. Хвост животного почти такой же длины, как и задняя нога, и нарисован параллельно ей, но не от самого крупа животного, а дорисован рядом. В целом, рисунок вполне пропорционален. Других рисунков, как и подъемного материала, на местонахождении не зафиксировано.

Полных аналогов данному комплексу в Бурятии на данный момент не известно. Однако некоторые параллели все же могут быть проведены, в первую очередь наскальному рисунку. Контурные профильные изображения крупных животных, выполненные охрой, довольно редко упоминаются в литературе, посвященной петроглифам Забайкалья. В монографии «Петроглифы Забайкалья» [8. Т. 1] выделяется один рисунок, имеющий некоторые общие черты с вышепредставленным. Это контурное изображение лося в профиль с местонахождения Тамгата-Хошуун. Рисунок представляет собой композицию из нескольких объектов: 4 антропоморфные фигуры, расположенные практически вокруг двух зооморфных фигур (один из

них интерпретируется как лось, второй выглядит неясно, но с подчеркнутым изображением крупных рогов), пятна в виде кругов и крестом. В целом, изображение «лося» довольно схематичное: крупное тело, двумя черточками переданы ноги, причем задняя, как и в случае на Шамхаг-Байсан, короче передней и слегка подогнута вперед. Внутри туловища животного проведены две вертикальные черты, возле головы проставлены две точки [8. Т. 1. Табл. 77]. Данный рисунок отнесен А.П. Окладниковым на основании использования техники рисования охрой к селенгинской группе писаниц, которая датирована исследователем бронзовым веком. Интересно, что изображение лося, подобное изображению с Тамгата-Хошуун, выполненное в стиле «рентген», однако более детальное и совершенное, представлено среди петроглифов Шишкинской писаницы и относится исследователями к эпохе бронзы [9].

Еще одно местонахождение с петроглифами, на которое стоит обратить внимание при поиске аналогий и попытке относительной датировки рисунка Шамхаг-Байсан, – это святилище Шаман Гора, открытое читинскими археологами во главе с М.В. Константиновым [6, 10]. Местонахождение, расположенное в Хилокском районе Забайкальского края (Западное Забайкалье), представляет собой крупный скальный останец с большим количеством пунктов с петроглифами, наиболее интересным из которых является грот (скальный навес) с фигурами бизонов, человекочков, различных знаков. Привлекает внимание манера изображения животных: контурное, профильное, довольно схематичное, однако передающее характерные черты. Практически у всех фигур бизонов выделен горб в передней части туловища, часто горб и голова дополнительно подкрашены. Две короткие черточки на голове являются либо рогами, либо ушами, причем в некоторых случаях линии слегка выгнуты, что делает их более похожими на изогнутые рога. Шея короткая массивная толстая, иногда отсутствует вовсе. Стоит отметить и такую деталь, как присутствие у некоторых изображений вертикальных и диагональных линий внутри тела. Некоторые вертикальные линии напоминают таковые у изображения лося с Тамгата-Хошуун и могут символизировать части внутреннего скелета, что характерно для стиля «рентген». Ноги, чаще всего две, представлены в виде треугольников, совмещенных с туловищем, однако у ряда фигур ноги выполнены короткими прямыми чертами, иногда присутствует совмещение: одна из ног передана треугольником, вторая – чертой [10. Рис. 2]. Важно, что местонахождение расценива-

ется исследователями как святилище. Площадка в гроте с петроглифами раскопана, здесь выявлено 4 культурных горизонта, второй, включающий наибольшее количество археологического материала, рассматривается как связанный с петроглифами. Характер материала отсортированный, включающий в основном орудийные формы: наконечники стрел, вкладыши, скребки. Их назначение интерпретируется как «жертвенное». В целом, комплекс датирован поздним неолитом – ранним бронзовым веком [6, 10].

Изображения быков, выполненные в той же манере, что и на писанице Шамхаг-Байсан, мы находим среди петроглифов Баянлиг-Хад в Монголии. Однако следует подчеркнуть, что рисунки с Баянлиг-Хад выполнены техникой выбивания или прочерчивания по контуру, без использования минеральных красителей. Возраст местонахождения Баянлиг-Хад определяется исследователями периодом бронзовый век – Средневековье [11. Рис. 82; Рис. 98].

Таким образом, по общей стилистике, технике изображения животного с местонахождения Шамхаг-Байсан мы можем говорить о его несомненной близости к петроглифам, датируемым эпохой бронзового века. Вероятнее всего, рассматриваемую в статье писаницу следует отнести к этому времени, не исключается и более поздняя хронология.

Сложнее обстоит вопрос о возрасте кладки в виде стрелы, выложенной у скалы с петроглифом. На данный момент она уникальна для Бурятии. Четкость линий контура «стрелы» говорит о явном намеренном характере кладки, а хорошая забутованность и задернованность камней – о возрасте, который вряд ли может оцениваться как современный. Кроме этого, стоит остановиться на местонахождении кладки. В пределах одного км от кладки, на окраине села, зафиксирован могильник бронзового века, состоящий из курганов-керексуров без оградки. Один из керексуров зафиксирован в пределах деревни. Учитывая, что могильники бронзового века могут тянуться на несколько километров, можно предположить, что при строительстве с. Саяны большая часть могильника была уничтожена. Каменные дорожки, различные кладки часто сопровождают керексуры. Кладка с Шамхаг-Байсан могла быть связана с расположенным рядом могильником и, соответственно, датироваться этим же периодом. Однако без дополнительных исследований данное рассуждение остается лишь предположением.

Об определенной древности кладки говорит и отношение к ней современного населения. В пер-

вую очередь, это тот факт, что местные жители не рассматривают кладку как сооружение, которое было сложено непосредственно ими или их предками. Во-вторых, по мнению местного населения, создание кладки связано с именем эпического героя – «Стрела Гэсэра». Следовательно, кладка была сложена настолько давно, что уже потерялся след ее создателей, но на местности объект выглядит настолько ярко, что на него не могли не обратить внимание и стали приписывать эпическому герою Гэсэру. Несмотря на конструктивную выразительность и некоторую принадлежность к эпосу, «стрела», как и собственно петроглиф, на который она указывает, не вызывают у местного населения особого отношения – почитания, стремления к проведению здесь ритуалов и т.д. Исходя из вышеизложенного, можно говорить, что кладка в виде стрелы не имеет никакого отношения к этнографической современности. В то же время пока нет и доказательств в пользу ее древнего возраста: сооружение подобной кладки может в равной степени относиться как к эпохе бронзового века и быть одновременной наскальному рисунку, так и к более позднему периоду – вплоть до Средневековья или Нового времени.

В любом случае кладка такого рода могла служить двум целям. Во-первых, кладка своим «наконечником» указывает на местоположение рисунка на скале, следовательно, как в современности, так и в древности она могла восприниматься как своеобразный указатель. Однако резонно предположить, что трата времени на кладку простого указателя (а она сделана тщательно, хорошо забутована и является не контурной, а сплошной) не рациональна. Во-вторых, возможна и символическая нагрузка кладки подобной формы. Привлекает внимание использование для каменной конструкции формы именно стрелы, причем с логическим разграничением на части «древка» и «наконечника». Наконечники стрел часто фиксируются среди предметов культового назначения, интерпретируемых как «жертвенный» инвентарь, на различных святилищах. В качестве примера можно указать на инвентарь с Шаман Горы на территории Забайкалья [6], речь о котором уже шла выше, наконечники здесь составляют большую часть «дара».

Показательными в этом отношении выступают пещерные святилища Урала, в особенности привлекает внимание святилище на камне Дыроватом. Именно здесь получена богатейшая коллекция наконечников стрел, исчисляющаяся более чем двумя десятками тысяч экземпляров и представляющая широкий хронологический диапазон от эпохи

мезолита вплоть до средневекового времени [12]. Пещера на камне Дыроватом располагается довольно высоко от поверхности земли. Наконечники стрел, а вместе с ними и другой «жертвенный» инвентарь, доставляли сюда, стреляя из лука. С точки зрения Ю.Б. Серикова, данный ритуал был направлен на защиту от хозяина местности – «духа» р. Чусовой, за изображение которого могла восприниматься своеобразная поверхность скалы и пещера, напоминающие вместе личину [12. С. 68–121]. Другой взгляд на семантику наконечника стрелы имеет И.Л. Кызласов, который видит в ней символ мужского начала, а ритуальный выстрел в пещеру рассматривает как соединение мужского и женского начал [13]. О пещере, равно как и о горе / скале в качестве выражения женского начала у предков хакасов, И.Л. Кызласов писал еще в начале 1980-х гг. На основе хакасского фольклора и преданий гора рассматривается как хранительница существующей жизни и источник новой, как покровительница рода и средоточие производящих сил [14].

Возвращаясь к ситуации на Шамхаг-Байсан, следует подчеркнуть, что наконечников стрел здесь на данный момент не обнаружено. Однако наконечники на святилищах в первую очередь несут смысловую, а не функциональную нагрузку, поэтому форма стрелы у кладки на Шамхаг-Байсан может трактоваться как переносе семантики с реальной вещи на каменную конструкцию. В таком случае кладка представляется нам как производный символ, перенявший многочисленные значения первичного символа – наконечника стрелы. Тогда становится понятным сочетание наскального изображения крупного животного (быка?) и каменной кладки в виде стрелы, отражающей функциональную и семантическую нагрузку реального предмета. Одной из возможных интерпретаций комплекса представляется ритуал охотничьей магии. Однако отметим, что в Бурятии до сих пор распространен культ гор, а в традиционной культуре бурят фиксируется культ Умай – женского божества, для почитания которого использовались природные объекты, напоминающие своим видом женские детородные органы (пещеры, расщелины) [15]. Подобное почитание гор, скал, пещер, содержащих в себе животворящее начало, могло происходить и в древности, тем более что запад Бурятии представляет собой район горных систем Хамар-Дабана и Восточного Саяна, предъявляющих достаточно суровые условия для жизни. В указанном контексте вероятно интерпретация комплекса как соединения стрелы – мужского начала и скалы / горы – женского с целью

«испрошения» плодородия, благополучия. Учитывая изображение крупного животного на скале, предполагаем, что в данном случае речь может идти о сохранении и увеличении промысловых животных. При этом наскальный рисунок может рассматриваться как «письменное» выражение желаемого.

Подводя итоги, можно заключить о возможности культового характера местонахождения Шамхаг-Байсан как единого комплекса. Стилистические характеристики и техника нанесения петроглифа находят параллели в писаницах, относящихся в основном к бронзовому веку. В то же время прослежены аналогии и с петроглифами, включающими разновременные изображения от бронзового века до Средневековья. Исходя из этого, предполагаем широкие хронологические рамки для определения возраста петроглифа: бронзовый век – Средневековье. То же самое можно сказать и о кладке в виде стрелы. При этом не отрицается возможность того, что кладка и петроглифы созданы и функционировали в разные хронологические отрезки, но на определенном временном этапе они использовались совместно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. I. 607 с.
2. *Кастрен М.А.* Путешествие в Сибирь. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 2. 352 с.
3. *Тиваненко А.В.* Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1989. 201 с.
4. *Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, 1970. Т. 2. 263 с.
5. *Дашибалов Б.Б.* Еще раз о городищах-святилищах: Курыкане и хори // Материалы Всероссийской научной конференции «Санжеевские чтения-4». Улан-Удэ, 1999. С. 109–111.
6. *Константинов М.В.* Древние святилища Шаман-горы (Забайкалье) // История и культура востока Азии / Матер междунар. науч. конф. Новосибирск, 2002. Т. II. С. 83–87.
7. *Ташиак В.И.* Древнее святилище в долине Алана (Западное Забайкалье) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, 2011. Вып. 2. С. 251–256.
8. *Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, 1969. Т. 1. 220 с.
9. *Николаев В. С., Мельникова Л. В.* Периодизация петроглифов Верхней Лены // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 2002. С. 127–142.
10. *Константинов М.В., Константинов А.В., Васильев С.Г., Екимова Л.Г., Разгильдеева И.И.* Под покровительством Большого Шамана: археологическое путешествие по Забайкалью. Чита: Экспресс-типография, 2003. 53 с.
11. *Деревянко А.П., Петрин В.Т., Цэвээндорж Д., Мельников В.П.* Святилище с наскальными рисунками Баянлиг хад в Монголии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 224 с.
12. *Сериков Ю.Б.* Пещерные святилища реки Чусовой. Ниж. Тагил: НТГСПА, 2009. 368 с.
13. *Кызласов И.Л.* Камень дырчатый (символика пещерных святилищ и культовой стрельбы из лука) // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 37–50.
14. *Кызласов И.Л.* Гора-прародительница в фольклоре хакасов // Советская этнография. 1982. № 2. С. 83–92.
15. *Николаева Д.А.* Культ умай в традиционной культуре бурят // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 62. С. 108–113.